

Женя присела на корточки и прижала ухо к замочной скважине, чтобы удобнее было подслушивать. В конце концов, речь шла о ней.

— А что ваша племянница? — спросил один из представителей закона, которые наводнили дом после исчезновения Яна. — В ней вы абсолютно уверены?

Проворно приложив к замочной скважине глаз вместо уха, Женя увидела, как ее дядя, попавший точно в фокус, нахмурил благородный лоб.

— Племянница выполняла при вашем сыне секретарские обязанности. То есть была в курсе многих важных дел.

— Что это вы хотите сказать?

— Только то, что в подлунном мире для молодых людей существует масса соблазнов...

— Бог мой, вы же ее видели! — раздраженно отозвался дядя. — Моя племянница похожа на серую мышь. И соблазны ей абсолютно чужды. Она никогда не просила у меня денег ни на платья, ни на развлечения.

— Может быть, ей неловко было просить? — живо откликнулся невидимый Жене человек в штатском. — Она ведь живет у вас на правах бедной родственницы, как я понимаю?

Женя засопела на полу, изо всех сил сдерживая нахлынувшие на нее чувства.

Георгий Николаевич Ярославский, мощный, властный человек, обладатель великолепной седой шевелюры и рокочущего баса, на несколько секунд даже растерялся. Впрочем, тотчас же взял себя в руки и щелкнул пальцами в воздухе.

— Костя, ты проверял мою племянницу? — не поворачивая головы, спросил он. И сам же ответил: — Конечно, проверял. Будь с ней что-нибудь не так, я бы этого не потерпел.

Костя Карпенко, на которого было возложено обеспечение безопасности как самого дяди, так и его прибыльного и потому опасного бизнеса, тут же возник за его плечом, словно дух, повинующийся зову хозяина.

— Я здесь, Георгий Николаевич. На мой взгляд, Евгения — вообще уникальный случай.

— Без комментариев, пожалуйста, — недовольно проворчал Ярославский.

Карпенко тотчас же убрал с лица все эмоции и сдержанно сообщил:

— Евгения Ярославская после трагической смерти родителей проживала в интернате.

— Я забрал ее, когда она получила аттестат, — пояснил дядя.

— Сейчас ей двадцать три года, — продолжал Карпенко, — она окончила курсы секретарей-референтов. Еще курсы английского языка — самые лучшие. После чего стала помогать двоюродному брату.

— Помогать? — уточнил представитель правопорядка. — Если я правильно понял, в ведомостях фирмы она не числится и зарплату не получает.

— Мы взяли ее в семейный бизнес, — раздраженно отозвался Ярославский. — У нее есть крыша над головой, она сыта и одета.

— Но своих денег у нее нет? — не отставал противный чин.

— Кажется, Ян давал ей что-то на карманные расходы, — проворчал Ярославский. — А как же иначе? Не могла же она жить вообще без наличных?

Женя скрипнула зубами и, часто задышав, встала перед дверью на коленки. Карманные расходы! Несмотря на то что Ян был неплохим человеком, такая простая вещь даже не приходила ему в голову. Карманные расходы появлялись у нее только тогда, когда ей удавалось подработать мытьем полов в соседней «Оптике».

— Может быть, она попала в затруднительную ситуацию и ей срочно потребовались наличные?

Ах, умен, умен и опытен этот милиционер!

— Какая затруднительная ситуация! — отмахнулся Ярославский. — В затруднительные ситуации попадают деловые люди. Или, по крайней мере, такие, которые встречаются и общаются с другими людьми.

— У Евгении есть друг. Он тоже интернатовский, — подал голос Карпенко. — Лаптев Вениамин.

Ярославский фыркнул, выражая презрение к Жениному выбору друзей.

— Мелочь, — махнул он рукой. — Компьютерная обслуга. Работает в какой-то не заслуживающей внимания фирмочке.

— Зарабатывает копейки, — подтвердил Карпенко. — Большую часть суток обитает в виртуальной реальности. Мало ему работы, так он и излишки зарплаты тратит на Интернет-карты.

— Может быть, они вдвоем попали в э... интересное положение?

— Ненавижу сексуальную распушенность, — сказал дядя брезгливо. — Я бы этого не потерпел.

— Тут и говорить не о чем, — живо подхватил Карпенко. — У Евгении и ее приятеля чисто платонические отношения. Проверял.

— Хм, — сказал чин. — А подруги?

— Нет у нее подруг, — тут же ответил всезнающий Карпенко.

— Ну... так не бывает... — протянул тот. — Девица обязательно захочет посплетничать с другими существами в юбках.

— О чем? — пожал плечами дядя. — Евгения всегда очень занята на работе.

— А может, это бунт? — В голосе чина Жене послышалась издевка. — Она похитила Яна или сдала его похитителям в знак протеста против той стерильной жизни, которую вы ей тут устроили.

Женя усилием воли разжала стиснутые зубы, боясь, что еще немного — и они начнут ломаться и сыпаться на пол.

— Она что, вам жаловалась на жизнь? — с недоверием в голосе спросил Ярославский. — Женя? Жаловалась?

— Да нет, — вздохнул представитель закона. — Увы. Она держалась с достоинством. Хотя я и старался вывести ее из себя.

— Может, она дружна с нашей экономкой? — высказал предположение Ярославский.

Карпенко нервно сглотнул, а чин закашлялся. Вероятно, он уже познакомился с вышеозначенной дамой. Ирма Гавриловна Пыгова, в незапамятные времена получившая кличку Гестаповка, проживала вместе с семейством Ярославских вот уже семнадцать лет, с момента смерти жены Георгия Николаевича. Экономка являлась самой настоящей гадиной и третировала людей, которые обслуживали большой дом хозяев. Это была длинная, тощая и необычайно некрасивая особь женского пола.

Именно в тот момент, когда о ней зашла речь, экономка возникла в холле, застав племянницу хозяина за весьма постыдным занятием.

— Евгения, — заявила она ледяным голосом, подкравшись поближе, чтобы стопроцентно ее испугать, — ваша поза угрожает шву на брюках. Немедленно встаньте, иначе Георгию Николаевичу придется тратиться на новый наряд для вас.

Женя поспешно поднялась на ноги, надеясь, что ее щеки не покрылись предательским малиновым румянцем. Впрочем, лицо уже горело, словно его растерли снегом. В поросячьих глазках экономки появилось удовлетворение. Она стояла перед Женей словно живой укор. Выщипанные ниточками брови чрезвычайно гармонировали с длинными тонкими губами. Невысокая и стеснительная Женя чувствовала себя рядом с ней нашкодившим щенком. Если речь пойдет о том, кто дороже дяде — она или экономка, — выбор будет не в ее пользу.

— Я... Я уронила невидимку, — натужно соврала Женя, двумя руками ощупывая тонкие волосы, уныло висящие по обеим сторонам лица.

— Понимаю, — сказала экономка, поиграв ноздрями. Их трепетание обычно служило знаком устрашения. По

крайней мере, садовник при виде шевелящихся ноздрей Ирмы Гавриловны на некоторое время впадал в кому.

Больше всего Женя ненавидела экономку за то, что та без спросу входила в ее комнату когда ей вздумается. Чаще всего в самый неподходящий момент. Ян и дядя хотя бы стучались. Впрочем, искать Женю им приходилось редко — она всегда была под рукой, как старые тапочки.

— Интересно, почему вас не пригласили в библиотеку? — задала риторический вопрос экономка. — Если я не ошибаюсь, вы считаете себя членом семьи? Не забудьте сказать дяде, что вас весьма и весьма интересуют обстоятельства исчезновения его сына. Возможно, тогда вам не придется принимать провокационные позы в холле особняка, куда каждую минуту могут зайти приличные люди.

Закончив свою тираду, экономка развернулась и с достоинством понесла свой тощий зад на кухню, где ей, конечно, было бы самое место, если бы она умела готовить. Женя надеялась, что Пыгова удовлетворится мелкой мстостью и не наступит дяде, что племянница подслушивала. Еще совсем недавно Женя, конечно, вообще не опустилась бы до такого. Однако за последние дни в ее жизни кое-что изменилось.

Сказать по правде, рыльце у Жени было в пушку, и ничто не могло ее утешить. Только что дядя подтвердил то, о чем она и сама догадывалась. Стоит себя чем-нибудь запятнать, и ее выгонят вон. И если она сама не выстоит в этой жизни, ее, конечно, затопчут. А так, при родственниках, можно набраться секретарского опыта, опериться. Ведь не с ее внешностью рассчитывать на быструю карьеру. Даже будь она красавицей, моральные принципы не позволили бы ей избрать порочный путь вверх. Впрочем, будь она красавицей, у нее наверняка сформировались бы иные моральные принципы. Да и родственники не считали бы ее безликой серой мышью.

Женя скрылась в своей комнате, рухнула на кровать и вцепилась двумя руками в волосы — жест абсолютного и полного отчаяния. Кажется, она влипла основательно. Самое ужасное, что она не знала, имеют ли отношение ее неприятности к исчезновению двоюродного брата.

Последний раз Яна Ярославского видели в понедель-

ник. Вечером он уехал из офиса, но до дома так и не добрался. Ян занимал должность вице-президента на фирме отца. Однако предположение, что исчезновение сына связано с бизнесом, Ярославский-старший решительно отверг. Как секретарша, Женя в общих чертах тоже владела ситуацией и была совершенно согласна с дядей. Единственное, что могло привлечь внимание милиции, — это готовящееся подписание контракта на поставки оборудования и сырья для дядиной фирмы. За право подписать его боролись два поставщика. Возможно, Ян был похищен кем-нибудь из них? Может быть, умыкнув Яна, они надеются оказать давление на дядю? Однако никаких угроз до сих пор не поступало. Требований выкупа тоже. Ян как будто испарился. Вместе с ним испарился и его автомобиль, за руль которого он уселся, выйдя из офиса. Женя видела это в окно.

С отцом у Яна сложились весьма близкие отношения. Кроме того, он отличался повышенным чувством ответственности. Поэтому уже во вторник все в доме и на фирме Ярославского были поставлены на уши. По мнению дяди, милиция отнеслась к заявлению об исчезновении его сына возмутительно. Разборки между бизнесменами там не любили. Впрочем, у дяди были некие связи, и теперь официальные лица проявляли повышенную активность. Всех домочадцев допрашивали часами. У Жени на ногах остались глубокие лунки от ногтей — во время допроса она так боялась чем-нибудь выдать себя, что изо всех сил вцепилась в собственные коленки.

Больше всего милицию интересовало, не подслушивала ли Женя разговоры своего шефа. Хотя бы телефонные. Это здорово бы облегчило им задачу. Жене казалось, что она отвечает сдержанно и корректно. И глаза у нее при этом не бегают.

— В последнее время с вами не происходило ничего экстраординарного? — спросил ее следователь со скупающим выражением на лице.

— Нет, — соврала Женя честным голосом. — Ничего.

Кажется, впервые в жизни она врала так откровенно. И кому! Однако мысль о том, что ее тайна станет известна дяде и еще целой куче посторонних мужчин, приводила

Женю в ужас. Никогда в жизни она столько не потела. Ее обливало жаром с ног до головы, и в такие моменты она понимала, что вруном можно быть только по призванию.

Случилось это незадолго до исчезновения Яна. После обеда в офис позвонил ее интернаговский приятель Веня Лаптев, чтобы похвалиться созданным накануне убойным вирусом. Хотя изобретение сие не имело никакого прикладного значения, Веня явно тащился от того, насколько изящной получилась у него новая компьютерная зараза. Лаптеву было плевать на то, сколь хорошо разбирается Женя в предмете. Обычно она охотно разделяла его радость и очень внимательно слушала. Впрочем, надо отдать Вене должное, он тоже безропотно вникал во все проблемы Жениной жизни. Правда, проблемы эти до сих пор были пустяковыми.

В дешевом кафе, где была назначена встреча, Женя просидела три с половиной часа. Лаптев так и не пришел — очевидно, наткнулся на новый сайт и слетел с катушек. Ожидая его, Женя выпила несчетное количество чашечек кофе, так что, когда ей предложили еще одну, желудок в знак протеста подпрыгнул до самого горла. Впрочем, когда она подняла голову и увидела, кто предлагает ей угоститься, тут же подпрыгнуло неизбалованное Женино сердце.

Перед ней стоял молодой человек, сошедший с рекламного плаката. Все в нем было приятным и законченным: синие глаза, белые зубы, прямой пробор и спортивная фигура идеальных пропорций. В общем — абсолютная мечта. Ямочка на подбородке как бы подводила итог этой гармонии.

— Можно угостить вас чашечкой кофе? — спросило совершенство.

По паспорту совершенство называлось Иваном Пятушкиным, в миру же носило кличку Позер. Его поделщик Игорь Болейко по кличке Пончик никогда не появлялся возле жертвы на первом этапе операции — мордой не вышел. Жертвой, естественно, в тот день была Женя.

Конечно, друзья выбрали ее не просто так. Она представляла для них интерес именно как племянница Георгия Николаевича Ярославского. Надо заметить, что афе-

ристы до сих пор не попались только благодаря объединившей их черте характера — оба были не жадными. Обычно они действовали по одному и тому же сценарию: выбирали из окружения богатенького бизнесмена подростка или беспомощную женщину, компрометировали их, а затем шантажировали. Поскольку суммы для выкупа компромата запрашивались вполне посильные, до сих пор все сходило им с рук.

Компромат на Женю оказалось сострять проще простого. Позер кое-что подмешал ей в кофе, и Женя выболтала ему, что дядя больше всего на свете ценит моральные принципы и примерное поведение. А она всецело зависит от дяди. Через час осоловевшую Женю друзья привезли к себе на квартиру, где она после пары рюмок спиртного изобразила стриптиз, после чего выпала в осадок, оставив на руках предприимчивых друзей видеокассету с записью собственных безумств.

Кассету на следующее утро посыльный доставил прямо в офис фирмы Ярославского и торжественно вручил еще не пришедшей в себя Жене. Когда Ян ушел на обед, она бросилась к видеомэгнитофону, затолкала в него «подарочек» и увидела себя голой, выплясывающей жигу на чужой кухне на фоне электрического чайника фирмы «Филипс» и фаянсового сервиза в крупный горох. После часа, который она провела, уставившись в одну точку на стене, Женя наконец очухалась.

Сказавшись больной, она покинула рабочее место и позвонила из автомата по указанному телефону. Пончик разговаривал с ней сочувственно и за оригинал видеозаписи потребовал две тысячи долларов. Возможно, для какой-нибудь другой племянницы бизнесмена ранга Ярославского эта сумма оказалась бы пустяковой. Но Женя, живущая в доме дяди на правах Золушки, пришла в неописуемый ужас.

Две тысячи долларов! С таким же успехом шантажисты могли потребовать у нее два миллиона. Она понимала, что у нее нет шансов убедить негодяев в абсурдности выдвинутых требований. Тысяча рублей — это все, чем обладала Женя на сегодняшний день. «Разве они не видят,

как я выгляжу? — подумала она. — Или считают, что это мой стиль?»

Впрочем, ее двоюродный брат, в приемной которого она сидела, вероятно, думал именно так. Что простенькая чистенькая одежонка, в которой Женя походила на мальчика, есть ее осознанный выбор. Отбирай братец секретаршу среди десятков претенденток, Женин имидж наверняка отвратил бы его. Но поскольку она попала к нему в приемную исключительно благодаря родственным отношениям, Ян вообще не обращал внимания на ее внешний вид. Женя была для него еще одним предметом обстановки, без которого в офисе просто не обойтись. Работала она старательно, даже усердно, не допускала серьезных ошибок и вела себя тише воды ниже травы.

Позер и Пончик проявили невероятное великодушие, определив ей довольно большой срок, чтобы найти деньги. Но теперь Женя уже считала дни, вместе с которыми из ее жизни утекало относительное благополучие. Придется или выметаться из дома в буквальном смысле слова на улицу, или признаться во всем дяде. Впрочем, узнав о ее позоре, он разгневется и все равно выкинет ее. Уж лучше уйти самой. Так думала Женя, прикидывая, что будет делать, оказавшись без работы и жилья.

И тут пропал Ян. Женя не могла поверить, что подпоившие ее шантажисты имеют отношение к похищению. Однако ее точил червячок сомнения. Кто знает, как связаны эти события? В открытую рассказать о своих неприятностях она все же не решалась, не тот характер. Поэтому она мучилась молча, ожидая самого худшего. И вдруг совершенно неожиданно у нее появился шанс не только заплатить за ужасную кассету со стриптизом, но и вообще начать новую жизнь.

Дело в том, что дядя пообещал награду в двадцать тысяч долларов тому, кто укажет местонахождение его сына. Эту информацию он донес и до домочадцев, собрав в холле всех, кто имел отношение к дому и хозяйству. Говоря о вознаграждении, он почему-то особо пристально смотрел на Ирму Гавриловну. Возможно, дядя был осведомлен о ее гестаповских методах общения с себе подобными и надеялся, что за двадцать тысяч она пытками выколочит из наиболее подозрительных личностей какие-нибудь сведения.

Женя тоже присутствовала при этом объявлении и сделала вывод, что если именно она отыщет Яна, то станет обладательницей огромной суммы. Дядя еще никогда никого не обманывал, по крайней мере, прилюдно.

Сказать по правде, она смутно представляла себе события, с помощью которых станет вести расследование. И получится ли у нее? Однако, как известно, человек, загнанный в угол, способен горы свернуть. Женя же чувствовала этот самый угол каждой косточкой своего позвоночника.

Для начала, решила она, необходимо осмотреть комнату кузена. Экономка уже рыскала по дому в надежде вынюхать что-нибудь особенное. Наверняка она обшарила апартаменты Яна от пола до потолка. Впрочем, одной хитрости для поиска пропавшего явно недостаточно. Тут нужны еще и мозги. Женя полагала, что у Ирмы Гавриловны они хоть и наличествуют, но в предельно скупом количестве. Она готова была биться об заклад, что Пыгова искала в кабинете Яна вырванные с мясом волосы, капли крови на плинтусе или же пачки денег, спрятанные в тайнике под подоконником.

Милиция, кажется, тоже не утомила себя подробным осмотром комнаты — ведь она не была местом преступления. Поэтому у Жени оставался шанс обнаружить нечто действительно заслуживающее внимания. Если она выйдет на дело ночью, кто-нибудь ее обязательно засечет — ночью любой звук слышен отчетливо. Идеальным моментом заняться обыском был вечер. По вечерам экономка смотрела бразильские сериалы и накручивала скудную растительность у себя на голове на мелкие бигуди. В таком виде она не показывалась на людях. В светлое же время суток курсировала по дому и прилегающим уголкам, словно боевой корабль, охраняющий морские границы родины.

* * *

Телепрограмма сообщала, что вечерний показ одного из наиболее известных сериалов уже начался. Как бы незначай пройдя мимо комнаты экономки, Женя услыша-

ла сладкоголосое пение, сопровождающее титры. Так и есть — путь свободен. Отправляясь на дело, Женя сняла тапочки и осталась в носках, что позволяло ей двигаться почти бесшумно. Она поспешно дошла до конца коридора и нырнула в комнату Яна. К счастью, кроме входной двери, на ключ в доме запиралась только библиотека.

На улице было еще светло, что намного упрощало дело. Не нужен был фонарик или светомаскировка. Войдя в комнату, Женя внимательно огляделась по сторонам, невольно отметив изысканность обстановки. Одна ваза на стеллаже стояла того, чтобы быть выставленной на всеобщее обозрение. Перво-наперво следовало обыскать письменный стол Яна. Усевшись в хозяйское кресло, Женя выдвинула верхний ящик стола и принялась за дело. Она вытаскивала по очереди каждую вещь и внимательно ее разглядывала. Ящиков оказалось восемь, и все были битком набиты всякой всячиной.

«А, собственно, что я ищу? — подумала вспотевшая Женя, заканчивая безрезультатное обследование самого многообещающего предмета обстановки. — Тут нужно думать, а не разгребать руками завалы скрепок и счетов». В детстве любимой Жениной книгой был сборник приключений инспектора Варнике, где по картинкам нужно было разгадать преступление, проявив элементарную внимательность. Нарисованному художником инспектору Варнике это всегда удавалось.

Сложив руки на коленях, Женя перестала суетиться и принялась внимательно осматривать комнату. Конечно, если бы она знала, почему исчез Ян, она могла бы догадаться, где нужно искать, но тогда загадка не была бы такой сложной. Кстати, эта ваза на стеллаже. Она стоит в довольно странном месте — на верхней полке. Конечно, в нее вряд ли наливают воду, чтобы поставить букет. Но, с другой стороны, любоваться ею на такой высоте довольно затруднительно. Возможно, Ян загнал ее почти под потолок только для того, чтобы случайно не столкнуть на пол? А что, если там тайник?

К счастью, кресло было на колесиках, и Женя без особых проблем подтащила его к стеллажу. Через минуту ваза была уже у нее в руках. Заглянув внутрь, она увидела